

ANKASAM

БЮЛЛЕТЕНЬ

июля 2026 г.
ВЫПУСК: 2026/7

Анкарский саммит и НАТО 3.0: Трансформация альянса и стратегическая роль Турции

03

Новый шаг Китая в
европейской
дипломатии: Почему
Австрия?

27

Статус Турции как 12-го
партнёра по диалогу
АСЕАН: Безопасная гавань,
взаимосвязанность и
«Снова Азия»

СОДЕРЖАНИЕ

ANKASAM АНАЛИЗ

<p>03 Новый шаг Китая в европейской дипломатии: Почему Австрия?
Başak ERTUNÇ</p> <p>03 Линии разлома в архитектуре безопасности Восточной Европы: история, политика и геополитическое соперничество
Toghrul VALIKHANLI</p> <p>06 Анкарский саммит и НАТО 3.0: Трансформация альянса и стратегическая роль Турции
Prof. Dr. Murat ERCAN</p> <p>07 Будущее стратегического сближения в отношениях между Канадой и Европейским союзом
Sena BİRİNCİ</p> | <p>13 Индо-Тихоокеанская четвёрка НАТО и пределы сотрудничества
Dr. Cenk TAMER</p> <p>15 Региональные и глобальные последствия кризиса в Ормузском проливе и стратегии выхода для Турции
Dr. Mehmet Gökhan ÖZDEMİR</p> <p>24 Стратегия культурной дипломатии Китая: стремление к гегемонии или управление имиджем?
Doç. Dr. Pinar ÇAĞLAYAN</p> <p>27 Статус Турции как 12-го партнёра по диалогу АСЕАН: Безопасная гавань, взаимосвязанность и «Снова Азия»
Doç. Dr. Ali Oğuz DİRİÖZ</p> |
|---|--|

ANKASAM В СМИ

22 СМИ

ЖУРНАЛ

23 МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ КРИЗИСНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ANKASAM АНАЛИЗ

Новый шаг Китая в европейской дипломатии: Почему Австрия?

Başak ERTUNÇ

В эпоху глобальной геополитической турбулентности отношение Европейского союза (ЕС) к Китайской Народной Республике претерпевает фундаментальные изменения. На фоне того, как Брюссель планомерно укрепляет свою политику экономической безопасности в отношении Пекина, дипломатический подход Китая к Европе также подвергается существенной трансформации. Усилия ЕС, направленные на снижение внешней зависимости в критически важных цепочках поставок, введение новых регуляторных норм в стратегических секторах и реализацию концепции «снижения рисков» (де-рискинга), коренным образом изменили природу экономико-политических отношений между Китаем и Европейским континентом. Особенно острым это соперничество становится в таких критических отраслях, как добыча и переработка редкоземельных элементов, производство электромобилей, микроэлектроника и передовые технологии. Растущая конкуренция переводит экономические связи между Брюсселем и Пекином в крайне sensitive и напряженное sensitive плоскостное состояние.

Однако реакция Китая на эти негативные для него тенденции далеко не ограничивается исключительно экономическими инструментами или контрмерами. Пекин начал более активно и выверенно задействовать дипломатические каналы в своих отношениях с Европейским союзом, акцентируя внимание на работе с отдельными государствами-членами и умело используя разнообразие взглядов, существующее внутри самого Союза. Ярким и весьма показательным примером такой стратегии стала встреча между министром иностранных дел КНР Ван И и федеральным министром по европейским и международным делам Австрии Беате Майнль-Райзингер. Призыв Ван И к Австрии сыграть «конструктивную роль» в улучшении отношений между Китаем и ЕС не следует рассматривать лишь как частный эпизод двустороннего взаимодействия между Пекином и Веной.

Значимость этой встречи обусловлена тем фактом, что она состоялась именно в период, когда Европейский союз предпринимает систематические попытки ужесточить свою политику экономической безопасности в отношении Китая. Эта ситуация порождает фундаментальный вопрос: почему Китай активизирует дипломатическое взаимодействие с отдельными государствами-членами, такими как Австрия, вместо того чтобы сосредоточиться исключительно на прямых и централизованных переговорах с Европейской комиссией?

Ответ на этот вопрос кроется в сложной, многоуровневой структуре процесса принятия решений внутри Европейского союза. Хотя ЕС действует как супранациональный (наднациональный) актор, формирующий общую торговую политику и единые стратегии экономической безопасности, национальные экономические интересы, промышленные приоритеты и внешнеполитические подходы отдельных государств-членов продолжают оказывать определяющее влияние на общий курс Союза в отношении Китая. Таким образом, политика ЕС в отношении Пекина формируется не только и не столько в институтах Брюсселя, сколько возникает в результате непрерывного взаимодействия и компромиссов между наднациональными структурами и национальными правительствами.

Теория либерального интерправинтергэвернментализма (либерального межправительственного подхода) Эндрю Моравчика предоставляет убедительную теоретическую рамку для понимания этой динамики. Согласно этому подходу, предпочтения, внутренние агрегированные интересы и позиции национальных правительств играют центральную роль в процессах принятия решений в Европейском союзе. С этой точки зрения точечная дипломатическая активность Китая в европейских столицах должна рассматриваться не как банальная попытка подорвать единство институтов ЕС, а как прагматичный и стратегический дипломатический метод, учитывающий внутреннее политическое и институциональное устройство Союза.

Ключевой чертой европейской стратегии Пекина является то, что Китай не воспринимает ЕС как полностью monolithic, монолитный и единый субъект. Напротив, китайское руководство подходит к Союзу как к сложному политическому организму, состоящему из государств с различными экономическими интересами, стратегическими приоритетами и политическими предпочтениями. В литературе по международным отношениям такая стратегия часто описывается термином «venue shopping» (поиск наиболее выгодной институциональной площадки), что означает практику выбора наиболее эффективных политических каналов и институтов, через которые акторы могут наиболее успешно достигать своих целей.

В условиях многоуровневого управления, характерного для Европейского союза, стратегические решения не принимаются исключительно в Брюсселе. Предпочтения государств-членов и их национальные экономические приоритеты остаются крайне влиятельными факторами, определяющими реализацию и конечную эффективность любой политики ЕС. Осознавая эту реальность, Китай стремится выстраивать и укреплять связи не только с европейскими институтами, но и непосредственно с национальными правительствами по всей Европе.

В данном контексте выбор Австрии в качестве дипломатического партнера выглядит для Пекина крайне продуманным и логичным. Присутствие около 650 австрийских компаний, активно работающих на китайском рынке, демонстрирует впечатляющую глубину торгово-экономических связей между двумя странами. Эта разветвленная есопотіс сеть делает Вену ключевым дипломатическим собеседником для Пекина. Австрия занимает уникальное положение: она глубоко интегрирована в институциональную структуру ЕС, но при этом сохраняет подчеркнuto прагматичный и реалистичный подход к экономическому сотрудничеству с Китаем.

Более того, исторически сложившийся нейтральный статус Австрии и ее многолетняя дипломатическая традиция, основанная на посредничестве, балансировании и диалоге, еще больше повышают ее ценность в глазах китайского руководства. Со времен Холодной войны Вена сформировала внешнеполитическую идентичность, ориентированную на поиск компромиссов, и Пекин рассматривает эту традицию как отличную возможность для создания более умеренного и взвешенного канала коммуникации в рамках сложных отношений между Китаем и ЕС.

Интерес Китая к Австрии невозможно объяснить исключительно экономическими расчетами. Для Пекина Вена представляет собой стратегического актора, способного транслировать альтернативные точки зрения внутри Европейского союза и поддерживать более сбалансированный подход к Китаю. Следовательно, развивающиеся отношения с Австрией следует понимать как часть более широких усилий Китая по расширению своего дипломатического пространства и маневра на европейском континенте.

Аналогичную модель поведения можно наблюдать и во взаимодействии Китая с другими крупными европейскими игроками. Такие страны, как Франция, с одной стороны, поддерживают инициативы по снижению экономической зависимости от Китая в стратегических отраслях, но с другой — проявляют крайнюю осторожность в отношении полного закрытия дипломатических и экономических каналов с Пекином. Это наглядно доказывает, что европейская политика в отношении Китая строится не на тотальном разрыве связей (полном «дикаплинге»), а на сложном процессе балансировки, направленном на минимизацию рисков при одновременном сохранении преимуществ экономической взаимозависимости.

Главный вызов для самого Европейского союза заключается в необходимости гармонизировать общую политику экономической безопасности в отношении Китая с разнородными и зачастую противоречивыми интересами 27 государств-членов. Способность Брюсселя вырабатывать действительно эффективную стратегию напрямую зависит от того, сможет ли он сформировать единую позицию, учитывающую национальные экономические приоритеты каждого участника. Если такой координации достичь не удастся, Китай продолжит успешно превращать внутренние разногласия и нюансы внутри ЕС в свои дипломатические возможности.

Таким образом, текущий подход Китая к Европе следует трактовать как форму стратегической адаптации к институциональным особенностям Европейского союза. Вместо прямого противостояния с центральными институтами Брюсселя Пекин все больше фокусируется на работе с национальными столицами, где экономические интересы и политические предпочтения создают реальные окна возможностей для прагматичного сотрудничества.

В заключение следует отметить, что дипломатическая активность Китая на австрийском направлении отражает более масштабную трансформацию всей европейской стратегии Пекина. Китай больше не выстраивает отношения с Евросоюзом исключительно через брюссельскую бюрократию; вместо этого он развивает гибкую многоуровневую дипломатию, учитывающую сложную структуру принятия решений в ЕС. Эта стратегия не обязательно направлена на прямой подрыв институциональной целостности Союза, но она эффективно использует существующие внутри Европы экономические и политические различия. В будущем вектор развития отношений между Китаем и ЕС будет определяться не только жесткими переговорами между Брюсселем и Пекином, но и специфическими стратегическими предпочтениями ключевых европейских столиц.

ANKASAM АНАЛИЗ

Линии разлома в архитектуре безопасности Восточной Европы: история, политика и геополитическое соперничество

Toghrul VALIKHANLI

Российско-украинский конфликт стал одним из наиболее определяющих геополитических событий XXI века, фундаментальным образом изменившим баланс сил и всю систему безопасности на Европейском континенте. В частности, именно Восточная Европа превратилась в эпицентр не только прямых военных действий и их непосредственных последствий, но и более широких, глубинно трансформационных процессов — политических, экономических и социокультурных. С самого начала полномасштабного противостояния сотрудничество в сфере обороны и безопасности между государствами-членами НАТО и Европейского союза (ЕС) беспрецедентно укрепилось, а страны региона стали гораздо более координированно выстраивать коллективный ответ на угрозы, исходящие от Российской Федерации. Тем не менее, вопреки этому впечатляющему росту солидарности, многолетние исторические споры, разногласия вокруг национальной памяти и концептуальные политические расхождения между восточноевропейскими государствами вовсе не исчезли. Напротив, по мере затягивания боевых действий unresolved исторические травмы стали проявляться еще более отчетливо, превращаясь в фактор, создающий серьезные вызовы для региональной сплоченности.

Архитектура безопасности в Восточной Европе сегодня формируется далеко не только за счет наращивания военного потенциала, поставок вооружений или оборонных бюджетов. Исторический бэкграунд отношений между государствами региона, коллективное восприятие прошлого общественными институтами и то, как именно политические элиты инструментализируют нарративы памяти, составляют не менее важную основу региональной стабильности. Напряженные дискуссии по вопросам исторической памяти между Варшавой и Киевом, глубокий дипломатический разрыв между Минском и Киевом, а также растущая экзистенциальная обеспокоенность стран Балтии наглядно демонстрируют: устойчивость региона зависит не только от факторов военного сдерживания, но и от внутреннего политического единства и социокультурной стойкости обществ.

Все эти процессы необходимо анализировать в более широком контексте глобальных геополитических целей России в Восточной Европе. С точки зрения Москвы, размывание политического единства и ослабление взаимопонимания между странами региона представляет собой не просто тактический дипломатический плюс, но и уникальную стратегическую возможность. Хотя одной из первоочередных задач Кремля остается оказание непрерывного военного давления на Украину, не менее значимой целью выступает снижение способности восточного фланга НАТО к коллективному реагированию и подрыв трансатлантической солидарности в целом.

В условиях, когда достижение быстрого и решающего военного успеха на поле боя становится все более затруднительным для обеих сторон, исторические споры, политика идентичности и поляризация общественного мнения обретают особое значение. В связи с этим политическую напряженность в Восточной Европе следует рассматривать не как исключительно внутренние дела отдельных государств, а как ключевые переменные, способные напрямую влиять на международную динамику безопасности. Учитывая высокий потенциал России в проведении информационных операций, распространении дезинформации и политической манипуляции историческими нарративами, любые социальные расколы внутри региона приобретают статус уязвимостей критического характера.

Отношения между Польшей и Украиной после начала полномасштабного вторжения вступили в фазу беспрецедентного сближения. Польша утвердилась в статусе одного из наиболее последовательных и бескомпромиссных сторонников Киева в Европе, предоставляя масштабную военную, финансовую и дипломатическую помощь. Подход Варшавы базируется на четком понимании: защита суверенитета Украины напрямую связана с гарантированием национальной безопасности самой Польши.

Однако, несмотря на столь тесное стратегическое партнерство, непогашенные исторические противоречия продолжают генерировать периодические вспышки напряженности. В частности, трагические события на Волыни в годы Второй мировой войны, историческая оценка деятельности Украинской повстанческой армии (УПА) и героизация определенных исторических фигур по-разному трактуются в польском и украинском обществах. Эти разногласия уже давно вышли за рамки академических дискуссий историографов и регулярно трансформируются в острые политические дебаты, оказывающие прямое влияние на текущую дипломатию.

В данном контексте весьма показательными стали публичные дискуссии вокруг высшей государственной награды Польши, ранее врученной Президенту Украины Владимиру Зеленскому. Инициативы и призывы к возможной аннулированию Ордена Белого Орла увязывались именно с решениями Киева по вопросам национальной памяти и отношению к определенным историческим формированиям. Этот прецедент наглядно демонстрирует, как даже глубоко символические акты межгосударственного признания могут мгновенно становиться предметом жестких политических спекуляций, если исторические чувствительные точки остаются болезненными.

Ситуация еще больше обострилась, когда появилась информация о том, что ряд украинских чиновников в знак протеста вернули ранее полученные польские государственные награды. С украинской точки зрения, подобный шаг Варшавы воспринимался как деструктивный, способный нанести вред двусторонней солидарности и косвенно сыграть на руку стратегическим интересам России. С польской же стороны акцент делается на том, что национальная память и уважение к жертвам прошлого не могут игнорироваться ради текущей политической целесообразности.

Тем не менее, делать вывод о том, что эти разногласия способны полностью разрушить польско-украинский альянс безопасности, было бы ошибочным. Обе страны продолжают воспринимать российскую угрозу как главный экзистенциальный вызов. Однако в обществах с глубоко укорененной исторической памятью символические вопросы сохраняют колоссальное влияние на принятие политических решений. По этой причине оборонное сотрудничество и исторические споры, по всей видимости, будут неизбежно сосуществовать в польско-украинских отношениях и в обозримом будущем.

Важен и внутривнутриполитический тайминг этих дебатов. В самой Польше украинский вектор постепенно трансформировался из чисто внешнеполитической темы в элемент внутренней межпартийной борьбы. В преддверии избирательных кампаний жесткая риторика в отношении Киева становится удобным инструментом для привлечения консервативного электората. Различие в подходах между премьер-министром Дональдом Туском и президентом Каролем Навроцким также может способствовать длительной сохранности этой темы в повестке дня.

Что касается отношений между Беларусью и Украиной, то они формируются под воздействием совершенно иной динамики безопасности. Углубление военно-политической интеграции Минска и Москвы превратило территорию Беларуси в источник прямой угрозы для Украины. Использование белорусской инфраструктуры и пространства для российских военных операций окончательно разрушило прежний статус-кво и вынудило Киев радикально пересмотреть стратегию защиты своих северных границ.

Для украинского военного командования белорусское направление со дня начала конфликта сохраняет критическое значение. Постоянный риск возобновления активных действий с севера связывает значительные силы ВСУ, отвлекая их от восточного и южного фронтов. Ввиду этого Киев воспринимает военную интеграцию Беларуси и России не как двусторонний фактор, а как масштабный вызов безопасности всей Центрально-Восточной Европы.

Потенциальное эскалационное развитие событий с участием Беларуси способно создать для России серьезные стратегические преимущества, заставив Украину еще больше распылять ресурсы. Белорусский фактор отчетливо показывает, что данный конфликт давно вышел за рамки двустороннего и стал многомерным процессом, определяющим баланс сил во всем регионе.

Нарастающие политические и исторические расколы в Восточной Европе создают благодатную почву для реализации гибридных стратегий Москвы. Россия стремится расширить свое влияние не только за счет конвенциональной военной силы, но и с помощью дезинформационных кампаний, информационных операций, энергетического давления и использования исторических нарративов. Эти методы гибридной войны стали важнейшим инструментом современной геополитической борьбы.

С точки зрения Кремля, наиболее благоприятным сценарием является размывание общего восприятия угрозы среди восточноевропейских государств и реанимация исторических противоречий между соседями. Подобный расклад существенно затруднит выработку консолидированной позиции со стороны НАТО и ЕС. Снижение региональной солидарности предоставит Москве гораздо больше пространства для дипломатических и политических маневров.

Сохранение политической сплоченности в Восточной Европе критически важно и для стран Балтии — Эстонии, Латвии и Литвы. Их безопасность напрямую зависит от эффективности механизмов коллективной обороны НАТО и непреклонной солидарности союзников. Любые трещины в региональном единстве облегчают проведение в отношении балтийских государств гибридных атак, включая кибероперации, дезинформацию и попытки давления через энергетический сектор.

В заключение следует подчеркнуть, что текущую напряженность в Восточной Европе нельзя сводить лишь к локальным двусторонним трениям. Исторические разногласия между Польшей и Украиной, напряженность на линии Минск-Киев и уязвимость стран Балтии являются фрагментами единого геополитического пазла, определяющего будущее европейской безопасности.

Для России раздробленная и лишенная координации Восточная Европа представляет собой очевидное стратегическое преимущество. Поэтому ключевая задача для государств региона заключается не только в наращивании чисто военных мощностей, но и в сохранении политической солидарности, дипломатической зрелости и способности преодолевать исторические споры ради общего безопасного будущего.

ANKASAM АНАЛИЗ

Анкарский саммит и НАТО 3.0: Трансформация альянса и стратегическая роль Турции

Prof. Dr. Murat ERCAN

Саммит лидеров НАТО в Анкаре проходит в переломный исторический момент, когда вся архитектура безопасности, сформированная после окончания Холодной войны, подвергается глубокому переосмыслению, а международный баланс сил переживает масштабную трансформацию. В настоящее время международная система находится в транзитном периоде: прежние определяющее влияние однополярного миропорядка неуклонно снижается, в то время как многополярное соперничество и стратегическая конкуренция между великими державами становятся все более явными и жесткими. В этой связи саммит в Анкаре не следует воспринимать лишь как рядовую дипломатическую встречу, на которой принимаются текущие процедурные решения о будущем Альянса. Напротив, он представляет собой критически важную платформу для фундаментальной дискуссии о том, как НАТО должно позиционировать себя в условиях стремительно меняющейся глобальной среды безопасности. Понимание ныне происходящей трансформации НАТО требует детального анализа исторического развития организации. С момента своего основания концептуальный подход Альянса к безопасности непрерывно эволюционировал в ответ на смену характеров угроз в международной системе. Эту историческую трансформацию традиционно принято анализировать через призму трех ключевых этапов.

Первый этап — это эпоха Холодной войны (1949–1991 гг.). В этот период первоочередной и главной задачей Альянса являлось обеспечение коллективной обороны перед лицом масштабированной угрозы, исходившей от Советского Союза. Базовый принцип НАТО опирался на концепцию коллективной безопасности, закрепленную в Статье 5 Вашингтонского договора. Европейская безопасность тогда концептуализировалась преимущественно через механизмы ядерного сдерживания и политику сдерживания советской экспансии.

После распада СССР Североатлантический альянс вступил во второй этап своего развития. В постсоветский период организация вышла за рамки классического военного союза, расширив зону своей ответственности в сторону антикризисного управления, миротворческих операций, борьбы с международным терроризмом и поддержания глобальной стабильности. Военные интервенции НАТО на Балканах, многолетняя операция в Афганистане и последовательные волны расширения на Восток стали наглядными примерами нового прочтения роли Альянса. В результате оперативный фокус НАТО перестал ограничиваться исключительно Европейским континентом, сформировав более широкий, глобальный подход к реагированию на транснациональные вызовы.

Однако полномасштабное вторжение России в Украину в 2022 году запустило качественно новый процесс трансформации, получивший в экспертной среде наименование «НАТО 3.0». Этот этап знаменует собой возвращение Альянса к фокусу на соперничество великих держав и жесткую стратегическую конкуренцию. В рамках концептуальных установок, утвержденных на саммитах в Мадриде, Вильнюсе и Вашингтоне, Россия была официально идентифицирована как наиболее значимая и прямая угроза безопасности НАТО, в то время как Китайская Народная Республика определена как системный вызов.

В эту новую эпоху понимание безопасности НАТО больше не сводится только к традиционным конвенциональным военным угрозам. Такие сферы, как кибератаки, технологии искусственного интеллекта, безопасность космического пространства, гибридные дезинформационные кампании, защита критически важной инфраструктуры, энергетическая безопасность и устойчивость глобальных цепочек поставок, превратились в первоочередные приоритеты Альянса. Эта эволюция убедительно доказывает, что НАТО трансформировалось из традиционного оборонительного союза в более сложную многопрофильную структуру, пытающуюся адаптироваться к комплексному и взаимосвязанному характеру современных угроз.

Сегодня война в Украине, эскалация напряженности на Ближнем Востоке и растущее стратегическое противостояние в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) больше не рассматриваются Западным миром как изолированные региональные кризисы. Напротив, они воспринимаются как различные проявления единого масштабного соперничества между акторами, бросающими вызов существующему международному порядку и западнцентричной системе безопасности. Поэтому главный вызов для НАТО заключается сегодня не только в поддержании традиционного военного сдерживания, но и в укреплении национальной устойчивости в таких областях, как экономический потенциал, технологическое превосходство и объемы промышленного производства.

Ключевую роль в этом процессе трансформации продолжают играть Соединенные Штаты Америки. Постепенный сдвиг стратегических приоритетов Вашингтона в сторону Индо-Тихоокеанского региона объективно усилил ожидания того, что европейские государства возьмут на себя значительно большую ответственность за обеспечение собственной безопасности. Растущая сосредоточенность США на противодействии подъему Китая интенсифицировала внутрисоюзные дебаты о необходимости наращивания собственных европейских оборонных мощностей и создании более сбалансированного механизма распределения бремени расходов (burden-sharing) внутри НАТО. Тем не менее, гипотетический полный уход США из НАТО или сознательное ослабление институтов Альянса не выглядят рациональным выбором для Вашингтона с точки зрения логики глобального соперничества. НАТО остается одним из важнейших и наиболее эффективных инструментов сохранения американского глобального лидерства. Безопасность мировых торговых путей, стабильность международной экономической системы и ограничение влияния геополитических соперников во многом зависят от сохранения институционализированных союзнических структур. Таким образом, наблюдаемый сегодня тренд заключается не в упадке НАТО, а в его глубокой перестройке в соответствии с новыми вызовами.

В процессе этой трансформации Особое место в обновленной рамке безопасности НАТО занимает Турция. Проведение Саммита НАТО именно в Анкаре наглядно подчёркивает стратегическую значимость страны внутри Альянса. В силу своего уникального географического положения Турция выступает критически важным актором для европейской безопасности, стабильности в Черноморском регионе, динамики в Восточном Средиземноморье и безопасности на Ближнем Востоке. Роль Анкары стала особенно заметной и востребованной на фоне российско-украинского конфликта. Значение Турции в региональной безопасности существенно возросло благодаря ее безупречному выполнению положений Конвенции Монрё о режиме Черноморских проливов, вкладу в обеспечение безопасности Черного моря и активным дипломатическим посредническим усилиям между конфликтующими сторонами. Кроме того, Турция продолжает нести важнейшую ответственность на южном фланге НАТО в сферах энергетической безопасности, противодействия терроризму и поддержания региональной стабильности.

Еще одним важнейшим фактором, укрепляющим позиции Турции, является стремительно развивающийся национальный оборонно-промышленный комплекс (ОПК). В последние годы Турция добилась впечатляющих успехов в сфере производства беспилотных летательных аппаратов, высокоточного оружия и военных технологий. В результате страна превратилась в одного из ключевых членов НАТО, способных вносить реальный вклад в совокупный оборонный потенциал Альянса. На фоне испытываемого Европой дефицита конвенциональных боеприпасов и острой необходимости укрепления европейских обороноспособностей, индустриальные мощности Турции представляют собой неоценимое стратегическое преимущество для всего Североатлантического союза.

Впрочем, значение Турции не исчерпывается только ее военными и промышленными возможностями. Многовекторный дипломатический подход Анкары, позволяющий сохранять прямые каналы коммуникации с самыми разными международными игроками, обеспечивает НАТО огромные преимущества в периоды острых кризисов. Оставаясь прочной частью Западного альянса через членство в НАТО, Турция одновременно поддерживает прагматичные дипломатические отношения с Россией, государствами Ближнего Востока и другими региональными силами. Такое уникальное позиционирование позволяет Анкаре выступать не только в качестве ценного военного союзника, но и как ключевой дипломатический медиатор.

В заключение следует подчеркнуть, что Саммит НАТО в Анкаре представляет собой важнейший поворотный этап, способный определить вектор развития Альянса на десятилетия вперед. Современный подход НАТО к безопасности больше не базируется исключительно на концепции территориальной обороны; он все глубже интегрирует вопросы противодействия гибридным угрозам, технологической конкуренции, обеспечения энергетической безопасности и экономической устойчивости. В эту новую эпоху Турция вырисовывается как ключевой, незаменимый актор трансформации НАТО благодаря своему геополитическому положению, военным мощностям, дипломатическому влиянию и развитому ОПК. Саммит в Анкаре важен не только тем, что он подсвечивает уникальную роль Турции, но и тем, что он дает четкое представление о том, как НАТО намерено адаптироваться к новой архитектуре глобальной безопасности.

ANKASAM АНАЛИЗ

Будущее стратегического сближения в отношениях между Канадой и Европейским союзом

Sena BİRİNCİ

В последние годы отношения между Европейским союзом (ЕС) и Канадой вышли далеко за привычные рамки традиционного экономического партнерства, трансформировавшись в многомерный стратегический альянс. Эта эволюция охватывает ключевые сферы современной геополитики: внешнюю политику, коллективную безопасность, энергетический сектор, передовые технологии и координацию международных инициатив. События 2026 года убедительно доказали, что наблюдаемое сближение Оттавы и Брюсселя представляет собой не кратковременную реакцию на локальные кризисы, а естественное следствие фундаментальной трансформации всей системы международных отношений. Продолжающийся российско-украинский конфликт, обострение соперничества между великими державами, уязвимость глобальных цепочек поставок и смещение акцентов в трансатлантическом диалоге стали главными факторами, предопределившими стратегический характер сотрудничества между Канадой и Евросоюзом. В данном контексте динамику отношений между Оттавой и Брюсселем не следует трактовать как простое увеличение интенсивности дипломатических контактов. Ее необходимо анализировать как элемент масштабной адаптации Европы к новой среде безопасности и процесс переосмысления Канадой своей глобальной роли. В частности, растущая вовлеченность Оттавы в обеспечение европейской стабильности показывает: Канада больше не воспринимается исключительно как североамериканский игрок, а утвердилась в качестве важного трансатлантического союзника, напрямую влияющего на архитектуру безопасности Европейского континента. Одним из наиболее наглядных индикаторов этой трансформации стало решение Оттавы осуществить крупнейшее развертывание канадских вооруженных сил в Европе за последние три десятилетия. Данный шаг, предпринятый накануне Саммита лидеров НАТО в Анкаре, выходит за рамки стандартного выполнения союзнических обязательств. Продолжение боевых действий на востоке Европы, эскалация рисков на восточном фланге Альянса и постепенное перенаправление стратегических ресурсов США в Индо-Тихоокеанский регион стали ключевыми стимулами для Оттавы к наращиванию своего постоянного военного присутствия на Европейском континенте. Усиление военного потенциала Канады, прежде всего в ее роли страны-руководителя многонациональной батальонной группы НАТО в Латвии, имеет важное символическое и практическое значение. Этим решением Оттава продемонстрировала намерение выступать более активным и видимым субъектом европейской системы сдерживания. Кроме того, канадское присутствие отражает общий процесс трансформации НАТО — постепенный переход от модели, полностью зависящей от американского лидерства, к более сбалансированной системе распределения бремени расходов и ответственности среди союзников (burden-sharing).

На протяжении многих десятилетий европейская безопасность в решающей степени опиралась на военные мощности и стратегическое руководство Вашингтона. Однако регулярные призывы США к европейским партнерам взять на себя большую ответственность за собственную оборону активизировали внутренние дискуссии о переформатировании трансатлантического баланса. В этом контексте Канада позиционирует себя не как альтернативу Соединенным Штатам, а как комплементарного актора, укрепляющего связующее звено между Европой и Северной Америкой. Вторым критически важным измерением канадско-европейского сближения выступает энергетическая безопасность. Системный диалог между Европейской комиссией и правительством Канады сфокусирован на развитии сотрудничества в области чистой энергетики, водородных технологий, добычи критически важного сырья и создании защищенных цепочек поставок. Для Евросоюза, остро нуждающегося в диверсификации источников энергии и сырьевых ресурсов, Канада стала исключительно надежным и институционально предсказуемым партнером. Канада обладает колоссальными запасами лития, никеля, кобальта и других критических минералов, необходимых для реализации амбициозных целей «зеленой трансформации» Европы. Эти ресурсы, требуемые для производства электромобилей, аккумуляторных батарей и инфраструктуры возобновляемой энергетики, обретают сегодня геозкономическое значение. Вследствие этого канадско-европейское взаимодействие в сфере энергетики трансформировалось из коммерческого обмена в долгосрочный геозкономический альянс. Снижение сырьевой и technological зависимости от Китая превратилось в один из главных приоритетов политики экономической безопасности ЕС. На этом фоне Канада обретает особое значение как партнер, разделяющий демократические ценности Европы и способный обеспечить устойчивость промышленных цепочек. Таким образом, сотрудничество с Оттавой способствует реализации фундаментальной цели Брюсселя по достижению стратегической автономии. Фундаментом этого стратегического партнерства остаются торговые отношения. Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение (СЕТА) между Канадой и ЕС создает надежную институциональную основу для двусторонних связей. Однако значение СЕТА выходит далеко за рамки наращивания объемов торговли. Соглашение формирует нормативную базу для глубокой кооперации в высокотехнологичных секторах будущего — от цифровой экономики и искусственного интеллекта до защиты критической инфраструктуры. Рост протекционистских тенденций в мировой экономике и смещение соперничества великих держав в технологическую сферу подталкивают государства с близкими ценностными ориентирами к формированию устойчивых альянсов. Приверженность Канады и ЕС принципам демократии, верховенства права и многосторонней дипломатии (мультилатерализма) обеспечивает прочный фундамент для их долгосрочной интеграции. В этой связи особое значение обретает восприятие Канады в европейском общественном и политическом дискурсе как «естественного партнера Европы». На фоне динамичной и иногда непредсказуемой внешней политики США образ Канады как предсказуемого и соблюдающего международные нормы игрока дает Евросоюзу дополнительные гарантии стабильности. Оттава воспринимается Брюсселем не только как донор безопасности в рамках НАТО, но и как ключевой гарант экономической и энергетической устойчивости Европы. Символическим проявлением этой близости стали активизировавшиеся в последние годы дискуссии о том, может ли «Канада стать 28-м членом Европейского союза». Хотя с формально-юридической и географической точек зрения такое сценарий не является реалистичным, сама дискуссия наглядно отражает беспрецедентный уровень политического и ценностного доверия между сторонами. Не находясь на Европейском континенте, Канада благодаря своим институтам, социальной модели и внешнеполитическому курсу воспринимается в Европе как максимально близкое государство.

Впрочем, углубление связей Канады с Европой вовсе не означает ее отхода от традиционного союза с Соединенными Штатами. Внешнеполитический курс Оттавы по-прежнему в решающей степени определяется тесными экономическими и оборонными связями с Вашингтоном. Стратегия Оттавы заключается не в замене США Евросоюзом, а в диверсификации своих внешнеполитических опций. Аналогично и Евросоюз рассматривает Канаду не как замену американскому присутствию, а как важную опору для укрепления трансатлантического единства. Не менее важным становится и культурное измерение отношений. Инициативы вроде участия Канады в конкурсе «Евровидение», несмотря на свой символический характер, отражают стремление Оттавы укрепить социокультурные и гуманитарные связи с европейскими обществами. Это доказывает, что канадско-европейское партнерство охватывает не только сферу жесткой силы и экономики, но и пространство мягкой силы. В заключение следует отметить, что отношения между Канадой и Европейским союзом окончательно трансформировались из модели антикризисного взаимодействия в долгосрочное многомерное стратегическое партнерство. Военный вклад Оттавы в европейскую безопасность, сотрудничество в сфере энергетики и минеральных ресурсов, глубокая экономическая интеграция и культурная дипломатия демонстрируют комплексный характер этого альянса.

Сегодня принципиален не вопрос формального членства Канады в ЕС, а ее реальная и возрастающая роль в обеспечении безопасности, энергетической независимости и экономической устойчивости Европы. Эволюция канадско-европейских отношений представляет собой важный индикатор масштабной перестройки всего трансатлантического порядка и перераспределения сил в современной мировой политике.

ANKASAM АНАЛИЗ

Индо-Тихоокеанская четвёрка НАТО и пределы сотрудничества

Dr. Cenk TAMER

После окончания Холодной войны вопрос о том, какую именно миссию и функциональную роль должен взять на себя Североатлантический альянс, превратился в одну из наиболее фундаментальных и дискуссионных тем в области международной безопасности. С исчезновением советской экзистенциальной угрозы НАТО вступило в длительный период переосмысления собственных институциональных целей, когда само существование Организации ставилось под сомнение многими исследователями и политиками. На протяжении 1990-х годов Альянс предпринимал попытки адаптировать свою миссию через реагирование на кризисы на Балканах, участие в урегулировании этнических конфликтов и проведение гуманитарных интервенций. Однако изменчивый характер угроз XXI века потребовал от НАТО выхода за рамки традиционного военного союза, заточенного исключительно под конвенциональные сухопутно-воздушные операции.

Сегодня Североатлантический альянс сталкивается с беспрецедентно широким спектром вызовов безопасности: от риска масштабных конвенциональных войн в Европе до асимметричных кибератак, гибридных угроз, дезинформационных операций, критических уязвимостей инфраструктуры и возобновившейся конкуренции великих держав. Эта многоаспектная трансформация вынудила Альянс выработать более широкую концепцию безопасности, выходящую далеко за рамки евроатлантического географического ареала. Одним из наиболее четких индикаторов этого концептуального сдвига стала обновленная Стратегическая концепция НАТО, принятая на Мадридском саммите 2022 года. В этом документе Китайская Народная Республика впервые в истории Альянса была официально охарактеризована как «системный вызов» интересам, ценностям и безопасности стран Запада. Трансформация подхода НАТО к Китаю объективно способствовала росту стратегического интереса Организации к Индо-Тихоокеанскому региону (ИТР). Регулярное и институционализирующееся участие лидеров «Индо-тихоокеанской четверки» (Indo-Pacific Four / IP4) — Японии, Южной Кореи, Австралии и Новой Зеландии — в саммитах НАТО наглядно подчёркивает стремление сторон зафиксировать новые рамки межрегионального взаимодействия. Тем не менее, несмотря на расширение диалога, ключевые вопросы, касающиеся реальных масштабов, правовых ограничений и будущего формата присутствия НАТО в Индо-Тихоокеанском регионе, остаются открытыми.

Одним из главных факторов, сдерживающих полномасштабную интеграцию НАТО в дела ИТР, выступают фундаментальные различия в восприятии угроз между глобальными и региональными акторами. В современной международной системе каждое государство оценивает ключевые вызовы исходя из своего уникального географического положения, экономических интересов и национальных политических приоритетов. По этой причине подходы Соединенных Штатов, рассматривающих Пекин в качестве главного стратегического конкурента на мировой арене, далеко не всегда находят абсолютный отклик у их европейских союзников или даже у отдельных партнеров в самом Индо-Тихоокеанском регионе.

С точки зрения Вашингтона, Китай выступает не просто сильным региональным игроком, а глобальным ревизионистским актором, бросающим вызов глобальному лидерству и стратегическому превосходству США. Модернизация Народно-освободительной армии Китая (НОАК), его стремительный технологический прорыв и глобальная экономическая экспансия воспринимаются Белым домом как центральные элементы долгосрочной стратегической конкуренции. Напротив, ключевые европейские государства склонны воспринимать Китай не столько как прямую военную угрозу евроатлантическому пространству, сколько как сложный гибрид: одновременно экономического партнера, технологического конкурента и системного соперника. На позицию Европы определяющее влияние оказывают глубокая экономическая взаимозависимость, миллиардные торговые потоки и критическая уязвимость глобальных цепочек поставок.

Аналогичным образом и сами государства «Индо-тихоокеанской четверки» демонстрируют гетерогенность во взглядах на Китай. Япония и Австралия, находящиеся в непосредственной близости от зоны военной активности Пекина, гораздо острее ощущают риски в Южно-Китайском море и Тайваньском проливе. В то же время такие страны, как Новая Зеландия, традиционно пытаются выдерживать более сбалансированную, прагматичную и осторожную линию во внешней политике. Эта многовекторность мнений мешает НАТО сформировать единую, жестко структурированную и исчерпывающую стратегию в отношении Пекина. Специфика этих отношений проявляется и в уровне институционального участия партнеров из ИТР в работе Альянса. Хотя на ряде ключевых саммитов эти государства были представлены на уровне глав государств и правительств, в других случаях их делегации возглавляли министры или дипломатические представители. Подобная вариативность указывает на то, что данный диалоговый формат пока не перерос в жестко обязательный военный механизм, сопоставимый с традиционными структурами коллективной обороны НАТО. Наиболее существенные ограничения для оперативного расширения НАТО в Индо-Тихоокеанский регион вытекают из самого уставного фундамента Организации. НАТО создавалось в 1949 году как оборонительный союз, четко ограниченный Североатлантическим регионом. Фундаментальная логика Вашингтонского договора опирается на принцип Статьи 5, согласно которому вооруженное нападение на одного из участников на территории Европы или Северной Америки расценивается как нападение на весь Союз. Тем не менее, ряд союзников — прежде всего США и Великобритания — продвигают тезис о том, что современные гибридные и технологические угрозы больше не имеют четких географических границ, а значит, НАТО должно обрести «глобальный мандат». Это породило острые дебаты вокруг концепции «Глобального НАТО» (Global NATO). Подъем Китая и эскалация напряженности в Азии заставляют союзников задаваться вопросом: способен ли Альянс и впредь оставаться исключительно евроатлантической организацией? Однако гипотетическое взятие на себя Североатлантическим союзом прямой военной роли в Индо-Тихоокеанском регионе, аналогичной той, что он выполняет в Европе, сопряжено с колоссальными рискованными последствиями. Хотя операция в Афганистане продемонстрировала способность НАТО проецировать силу вне привычной зоны ответственности, прямое экстраполирование этой модели на ИТР приведет к совершенно иным геополитическим результатам. Афганистан являлся операционным пространством, где члены НАТО сталкивались с некоей общей антитеррористической консенсусной угрозой, тогда как Индо-Тихоокеанский регион пронизан куда более сложной и взрывоопасной динамикой взаимоотношений супердержав. Военное присутствие Китая, проблема статуса Тайваня, ракетно-ядерная программа Северной Кореи и геополитическая активность России в Азии формируют невероятно чувствительный баланс сил. В этих условиях прямая военная институционализация НАТО в регионе неизбежно спровоцирует еще большее сопротивление Пекина, усилит разногласия внутри самого Альянса и создаст неоправданные стратегические риски эскалации.

Идея о том, что страны «четверки» ИТР смогут создать собственный блок коллективной обороны при прямой поддержке Запада, также сталкивается с жесткими реалиями. Япония, Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия разделяют демократические ценности и поддерживают глубокие оборонные связи с Западом. Однако по отдельности и даже суммарно они не обладают достаточным военным и промышленным потенциалом, чтобы в одиночку полностью нейтрализовать военно-стратегический вес Китая и его региональных партнеров. Ввиду этого поддержка со стороны Запада останется важнейшим элементом их национальной безопасности. Тем не менее, это вовсе не означает формального юридического распространения юрисдикции НАТО на Азиатско-Тихоокеанский регион. Гораздо более реалистичный сценарий предполагает не расширение блока, а углубление точечного координационного сотрудничества — в сферах обмена разведанными, кибербезопасности, трансфера критических технологий, проведения совместных военно-морских учений и дипломатических консультаций. В заключение следует отметить, что индо-тихоокеанский вектор НАТО — это важнейший индикатор попыток Альянса адаптироваться к фундаментально изменившемуся миропорядку. Квалификация Китая в качестве системного вызова и выстраивание диалога со странами IP4 доказывают, что НАТО постепенно отходит от узкогеографического понимания безопасности. Однако структурные барьеры продолжают ограничивать эту амбициозную трансформацию. Разногласия между союзниками относительно степени угрозы Пекина, жесткие уставные границы Североатлантического договора и сложность азиатского баланса сил делают материализацию полноценного «Глобального НАТО» нереалистичной в краткосрочной и среднесрочной перспективе. По этой причине в ближайшие годы отношения между НАТО и «Индо-тихоокеанской четверкой» будут развиваться по пути стратегической координации и полит-диалога, а не трансформироваться в классический военный альянс. Прагматичное партнерство в сфере высоких технологий, киберзащиты и защиты критических морских коммуникаций станет главным фундаментом этой новой гибкой архитектуры безопасности.

ANKASAM АНАЛИЗ

Региональные и глобальные последствия кризиса в Ормузском проливе и стратегии выхода для Турции

**Dr. Mehmet Gökhan
ÖZDEMİR**

Развитие событий на мировых энергетических рынках четко демонстрирует, что обеспечение энергетической безопасности уже давно вышло за рамки чисто экономической задачи. В современных реалиях этот вопрос превратился в ключевую стратегическую сферу, оказывающую прямое влияние на внешнеполитический потенциал государств, их геополитическое позиционирование и национальную безопасность. В частности, такие риски, как возможные попытки Ирана ограничить или полностью заблокировать судоходство через Ормузский пролив, наглядно показывают высокую уязвимость и хрупкость глобальных цепочек поставок энергоресурсов. Любой масштабный кризис, возникающий на этом критически важном морском маршруте, через который проходит колоссальная доля мировой торговли нефтью, способен вызвать каскадный эффект. Последствия таких сбоях неизбежно затрагивают не только региональных игроков, но и оказывают дестабилизирующее воздействие на всю мировую экономику, провоцируя скачки цен и нарушение баланса спроса и предложения. В рамках данной аналитической парадигмы энергетическую безопасность Турции не следует рассматривать исключительно как уязвимость, обусловленную высокой степенью внешней зависимости от импорта углеводородов. Напротив, её необходимо понимать как динамично развивающуюся сферу трансформации, способную сформировать для государства принципиально новые стратегические возможности. Хотя Турция по-прежнему импортирует значительную часть потребляемых энергоресурсов, в последние годы страна предприняла стратегически важные шаги по освоению собственных национальных месторождений, модернизации энергетической инфраструктуры и глубокой диверсификации источников поставок. Открытие крупных запасов природного газа в Черном море, активные геологоразведочные и буровые работы в регионе Габар, а также многомиллиардные инвестиции в возобновляемые источники энергии (ВИЭ) составляют фундамент долгосрочной цели Анкары — создание более независимой, суверенной и устойчивой к внешним шокам энергетической архитектуры. Одной из главных приоритетных задач энергетической политики Турции является обеспечение устойчивой безопасности поставок при одновременном планомерном снижении зависимой вовлеченности во внешние источники. В этом контексте наращивание и совершенствование потенциала внутреннего производства имеет фундаментальное значение не только с точки зрения улучшения экономических показателей, но и в контексте укрепления стратегической автономии страны на международной арене. Прямой и бесперебойный доступ к энергетическим ресурсам оказывать непосредственное влияние на все ключевые компоненты совокупной государственной мощи — от способности обеспечивать стабильный экономический рост до гибкости внешней политики и дипломатических маневров. В современной международной системе степень энергетической самообеспеченности стала одним из определяющих факторов, формирующих реальную способность государств проводить суверенный и независимый курс. При подробном анализе текущей энергетической структуры Турции становится очевидным, что импорт нефти и природного газа всё ещё представляет собой одну из наиболее значительных и чувствительных статей расходов национальной экономики. В настоящее время Турция покрывает за счет импортируемых поставок около 93 процентов своих потребностей в нефти и более 70 процентов потребностей в природном газе. Следовательно, резкие колебания волатильности мировых цен на углеводороды напрямую транслируются на дефицит счета текущих операций страны и её способности по внешнему финансированию. Высокая доля импорта энергоресурсов в общем объеме совокупного импорта делает любой глобальный рост цен на нефть и газ серьезным вызовом для макроэкономической стабильности государства.

Однако данное положение дел вовсе не означает, что Турция является исключительно пассивным субъектом, полностью уязвимым перед внешними энергетическими шоками. Напротив, путем реализаций стратегий диверсификации и масштабных инфраструктурных инвестиций Анкара сформировала высокий уровень системной устойчивости к международным кризисам. Разнообразие источников энергии, заключение гибких контрактов, расширение мощностей по приему сжиженного природного газа (СПГ) и всесторонняя поддержка внутреннего производства составляют ключевые опоры национальной стратегии энергетической безопасности. Потенциальные кризисные ситуации в критических транзитных узлах, таких как Ормузский пролив, хотя и несут в себе существенные экономические риски для Турции, одновременно открывают перед ней уникальные стратегические перспективы. Дестабилизация в регионе, через который транспортируется приблизительно пятая часть всей мировой нефти, способна кардинально перестроить глобальные логистические цепочки. Тем не менее, выгодное географическое положение Турции и её развитая инфраструктура позволяют Анкаре воспринимать подобные турбулентности не только как угрозу, но и как исторический шанс для укрепления своих амбиций по превращению страны в ведущий региональный энергетический хаб.

Центральным элементом обновленной энергетической стратегии Турции выступает глубокая диверсификация поставок. Сохраняя прагматичные и стабильные отношения с традиционными поставщиками, такими как Россия, Ирак и Иран, Турция параллельно развивает альтернативные направления через мировой рынок СПГ, сотрудничество с новыми производителями из разных регионов мира и создание новых маршрутов транспортировки. Такой всеобъемлющий подход существенно снижает уязвимость перед монопольной зависимостью от какого-либо одного государства или конкретного транспортного коридора, тем самым повышая общий уровень национальной безопасности. Уникальное географическое положение Турции предоставляет ей дополнительное геополитическое преимущество. Находясь на перекрестке Европы, Азии, Ближнего Востока и богатых ресурсами регионов Каспийского бассейна, Турция обладает потенциалом функционировать не просто как крупный потребитель, но и как ключевой транзитный и торговый центр. Вследствие этого энергетические кризисы при условии грамотного и эффективного государственного управления могут способствовать усилению роли Турции на международных энергетических рынках. Если рассматривать экономические последствия мировых колебаний цен, то важным аспектом является механизм передачи цен на внутренний рынок. В прошлые периоды существенный рост стоимости нефти увеличивал расходы на импорт и усиливал давление на дефицит текущего счета. Однако сегодня Турция выработала более высокую сопротивляемость к подобным внешним шокам благодаря увеличению экспортного потенциала, росту доходов от туризма и внедрению гибких финансовых инструментов рискованного менеджмента. Другим важнейшим измерением энергетической трансформации Турции является модернизация инфраструктуры природного газа. В прошлом модель, ориентированная преимущественно на трубопроводные поставки, увеличивала жесткую привязку к конкретным продавцам. Инвестиции последнего времени в СПГ-инфраструктуру, включая плавучие установки хранения и регазификации (FSRU) и новые наземные терминалы, обеспечили страну высокой маневренностью. Это позволяет покупать газ у самых разных мировых поставщиков на наиболее выгодных условиях.

Эти изменения имеют огромное значение не только для безопасности снабжения, но и для повышения конкурентоспособности национальной промышленности. Более гибкий и диверсифицированный рынок снижает негативное влияние ценовых скачков на себестоимость производства, укрепляя общую макроэкономическую стабильность.

Инвестиции в возобновляемую энергетику являются еще одним важнейшим компонентом долгосрочной стратегии. В последние годы в Турции наблюдается стремительный рост мощностей солнечной и ветровой энергетики, что вывело страну в лидеры регионального уровня. Наращивание генерации из возобновляемых источников стратегически важно не только для достижения экологических целей, но и для прямого замещения импортируемого ископаемого топлива.

Тем не менее, энергетический переход Турции не ограничивается лишь поиском и освоением новых ресурсов. Повышение энергоэффективности, внедрение энергосберегающих технологий в промышленном секторе и переход к экономической модели с более высокой добавленной стоимостью также выступают критическими элементами долгосрочной безопасности.

В перспективе можно выделить четыре ключевых стратегических направления, которые будут определять энергетическую политику Турции. Во-первых, это дальнейшая диверсификация ресурсов и маршрутов. Во-вторых, углубленное развитие СПГ-инфраструктуры для максимальной гибкости. В-третьих, жесткая политика энергоэффективности для снижения общих затрат на импорт. И, наконец, в-четвертых, эффективное использование финансовых механизмов управления рисками для минимизации негативных последствий ценовой волатильности.

В заключение следует отметить, что потенциальные кризисы на критических маршрутах, таких как Ормузский пролив, порождают серьезные вызовы, однако они же служат мощным катализатором для стратегической трансформации. Энергетическая стратегия Турции не ограничивается текущим антикризисным управлением; она направлена на построение независимой, гибкой и влиятельной в регионе энергетической системы будущего. Развитие собственных ресурсов, расширение диверсификации, укрепление СПГ-мощностей и ускорение инвестиций в ВИЭ неуклонно повышают устойчивость государства перед глобальными потрясениями. Поэтому любые турбулентности в ключевых регионах мира должны рассматриваться Анкарой не просто как внешние угрозы, но и как уникальные возможности, стимулирующие формирование еще более сильной, современной и устойчивой энергетической политики.

ANKASAM АНАЛИЗ

Стратегия культурной дипломатии Китая: стремление к гегемонии или управление имиджем?

Doç. Dr. Pinar ÇAĞLAYAN

Борьба за влияние и лидерство в современной мировой политике уже давно не ограничивается исключительно наращиванием военной мощи, повышением показателей экономического роста или достижением технологического превосходства. В сегодняшней международной системе реальный вес и авторитет государства тесно связаны с его культурной привлекательностью, а также со способностью продвигать, легитимировать и популяризировать собственные национальные нарративы в глобальном масштабе. В этой связи культурная дипломатия превратилась в важнейший, высокоэффективный инструмент внешней политики, приобретающий особое значение в периоды обострения соперничества между великими державами. Глобальное культурное и идеологическое влияние, которое Соединенные Штаты Америки (США) на протяжении многих десятилетий выстраивали через кинематограф, телевидение, музыку и популярную культуру, представляет собой один из наиболее ярких примеров этого феномена. В отличие от них, Китай в последние годы разработал и последовательно реализует комплексную стратегию, направленную на расширение своего культурного присутствия и укрепление позиции в глобальном дискурсе параллельно с впечатляющим экономическим подъемом. За последние годы в международном имидже Китайской Народной Республики произошла заметная и весьма существенная трансформационная динамика. Данные различных международных социологических опросов и исследований общественного мнения свидетельствуют о том, что позитивное восприятие Китая выросло во многих странах мира, а в некоторых регионах образ Пекина стал восприниматься даже более благосклонно, чем образ Соединенных Штатов. Хотя нарастающая критика внешнеполитического курса США, их подходов к урегулированию международных кризисов и их роли в глобальной системе определенно способствовала этому сдвигу, более активное и продуманное использование Китаем инструментов культурной дипломатии также стало ключевым фактором этих изменений.

Китайский подход к культурной дипломатии выходит далеко за рамки традиционных усилий по популяризации национальной культуры и искусства за рубежом. Правительство КНР сформировало многомерную стратегию «мягкой силы», которая тесно интегрирует культурные элементы с более широкими геэкономическими и геополитическими задачами государства. В рамках грандиозной инициативы «Один пояс, один путь» важными инструментами этой стратегии стали расширение программ культурного обмена, развитие сотрудничества в сфере образования и туризма, повсеместное продвижение изучения китайского языка, приданием международного статуса традиционным праздникам, а также активное распространение китайского медиаконтента через современный цифровой платформы.

Продвижение на глобальном уровне таких традиционных культурных событий, как Праздник середины осени, является лишь частью масштабных усилий Пекина по донесению своего богатого исторического и культурного наследия до зарубежной аудитории. Кроме того, экспансия китайской эстетики, стиля жизни и культурных кодов через такие популярные глобальные цифровые платформы, как TikTok, aimed на формирование принципиально иного, привлекательного образа Китая среди молодого поколения. Аналогичным образом, компьютерные видеоигры и цифровой контент, сфокусированные на китайской истории и традициях, все чаще используются в качестве эффективных инструментов, поддерживающих официальный нарратив Пекина о «мирном возвышении» страны.

Тем не менее, растущее влияние Китая в области культурной дипломатии все еще остается весьма ограниченным, если сравнивать его с тотальным глобальным воздействием, созданным США, в частности через индустрию Голливуда. Это объясняется тем, что американский культурный феномен проистекает не только из кассового успеха кинематографа и телевидения, но и из более широкого глобального образа жизни, системы ценностей и потребительской культуры, формировавшихся десятилетиями.

Голливудский кинематограф выступал в качестве одного из важнейших институтов американской «мягкой силы» на протяжении всего двадцатого века. Хотя его первоначальной функцией было развлечение публики, кинематограф постепенно превратился в мощный, политически значимый инструмент коммуникации, особенно в периоды Мировых войн и последующей Холодной войны. Фильмы перестали восприниматься исключительно как произведения искусства или коммерческий продукт; они стали средством, способным интерпретировать политические реальности и направлять общественное восприятие.

После окончания Второй мировой войны ослабление европейской киноиндустрии и стремительная экспансия американской экономической мощи ускорили распространение голливудского влияния по всему миру. Американское кино транслировало нарративы, неразрывно связанные с понятиями личной свободы, индивидуального успеха, демократических ценностей и современного образа жизни, одновременно формируя благоприятную культурную среду, подкреплявшую претензии США на глобальное лидерство.

В эпоху Холодной войны Голливуд превратился в важнейшую арену идеологического противостояния между США и Советским Союзом. Американские ленты формировали положительный образ Запада через акцент на ценностях свободного мира и капиталистического процветания, в то время как СССР зачастую изображался как авторитарная и закрытая система. Советский кинематограф, хотя и выполнял функции идеологического просвещения, не смог достичь аналогичного уровня глобального проникновения.

Американское культурное присутствие сохраняло свою доминирующую роль и после завершения Холодной войны. События 11 сентября 2001 года дали импульс созданию новых кинонарративов, связанных с международным терроризмом и новыми угрозами, что в очередной раз доказало способность медиаиндустрии конструировать политические установки.

В ответ на американское культурное доминирование Китай начал выстраивать собственную, альтернативную модель. В экспертном сообществе до сих пор ведутся дискуссии о том, стремится ли Пекин установить глобальную гегемонию, подобную голливудской, или же его цель заключается прежде всего в нейтрализации негативных стереотипов. Текущие тенденции показывают, что первоочередная задача Китая — не полная замена американской культуры, а легитимация собственного роста и формирование уважительного отношения со стороны международного сообщества.

В этом контексте кинематографическая и телевизионная отрасли Китая получили в последние годы колоссальные государственные и частные инвестиции. Масштабные научно-фантастические проекты, такие как «Блуждающая Земля», демонстрируют технологический потенциал страны и её взгляд в будущее, тогда как патриотические блокбастеры, такие как «Волки-воины» и «Битва при Чосинском водохранилище», делают акцент на концептах государственного величия, национального единства и стойкости перед лицом внешних вызовов.

Китай также активно перенимает опыт, который позволил южнокорейской культуре достичь мирового успеха. Китайские исторические и костюмированные драмы (дорамы) завоевали устойчивую аудиторию в Азии, на Ближнем Востоке и в Латинской Америке. Кроме того, китайские стриминговые сервисы, такие как iQIYI и WeTV, предпринимают попытки стать реальной альтернативой западным платформам, таким как Netflix, на глобальном рынке развлечений.

Тем не менее, на пути укрепления культурного влияния Пекина остаются серьезные системные препятствия. Главным из них является высокий уровень государственного контроля и цензуры над медиаиндустрией. Прямолинейный акцент на идеологических установках может восприниматься иностранной аудиторией как элемент внешней пропаганды, что существенно снижает органическую привлекательность китайского контента.

Другая проблема связана с трудностями культурной трансляции и восприятия. Китайская история, конфуцианские ценности и традиционная символика легко резонируют с восточноазиатскими обществами, но могут не находить столь же глубокого отклика в странах с иным культурным кодом. Настоящее культурное влияние зависит не только от способности государства продвигать свои смыслы, но и от того, насколько искренне эти смыслы принимаются и усваиваются другими народами.

В заключение следует отметить, что Китай добился впечатляющего прогресса в сфере культурной дипломатии и стал заметным игроком на мировом медиарынке. Однако Пекин пока не достиг уровня глобального доминирования, способного полностью заместить американскую модель, центрированную вокруг Голливуда. Стратегия КНР в первую очередь ориентирована на укрепление национального нарратива, легитимацию своего международного статуса и снижение зависимости от европоцентричных трактовок.

Таким образом, инициативы Китая в области культурной дипломатии следует рассматривать не как попытку установить всеобъемлющую культурную гегемонию, а как продуманную стратегическую политику, направленную на рост «мягкой силы» и управление собственным международным имиджем в условиях жесткой глобальной конкуренции. В будущем масштабы и глубина китайского культурного влияния будут определяться не только его экономическими возможностями, но и способностью создавать подлинно привлекательные и универсальные культурные смыслы для всей мировой аудитории.

ANKASAM АНАЛИЗ

Статус Турции как 12-го партнёра по диалогу АСЕАН: Безопасная гавань, взаимосвязанность и «Снова Азия»

Doç. Dr. Ali Oğuz DİRİÖZ

Решение, принятое на 59-й встрече министров иностранных дел стран АСЕАН в Маниле, о предоставлении Турции статуса полноправного Партнера по диалогу АСЕАН с 21 июля 2026 года, можно с полным основанием считать одним из наиболее конкретных, значимых и осязаемых дипломатических результатов внешней политики Анкары на азиатском направлении за последнее время. Это историческое событие, официально объявленное министром иностранных дел Хаканом Фиданом, выводит Турцию на один из самых всеобъемлющих институциональных уровней партнерства в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. Подобный статус до сих пор предоставлялся лишь весьма ограниченному кругу ведущих мировых держав и представляет собой высшую степень формализованного взаимодействия, уступающую исключительно полноправному членству в организации. Хотя на первый взгляд данный шаг может показаться узкоспециализированной дипломатической процедурой, он произошел в крайне важный исторический период — момент, когда трансформируются глобальные балансы сил, Азиатско-Тихоокеанский регион становится ключевым центром мировой политики, а средние державы активно проводят стратегии диверсификации своих внешнеполитических связей. Получение Турцией статуса Партнера по диалогу АСЕАН — это не случайный или единичный успех, а логичный результат конвергенции сложнейших политических, экономических и дипломатических процессов, развивавшихся на протяжении многих лет. В этом контексте определяющее значение имели три фундаментальных фактора. Первым из них стала очередная динамичная активизация турецко-американских отношений и подтверждение ключевого стратегического значения Турции внутри Западного альянса. Вторым фактором выступает последовательное созревание и укрепление почти шестнадцатилетнего экономического и институционального сотрудничества между Турцией и государствами-членами АСЕАН. Наконец, третьим и наиболее структурным фактором стала окончательная институционализация инициативы «Yeniden Asya» («Заново Азия»), launched в 2019 году и превратившейся в систематическую, долгосрочную стратегическую концепцию внешней политики.

Укрепление позиций Турции в структуре отношений с АСЕАН невозможно рассматривать в отрыве от меняющейся глобальной и региональной архитектуры безопасности. Саммит НАТО, состоявшийся в Анкаре в июле, а также новые дискуссии вокруг энергетических и логистических кризисов в районе Ормузского пролива наглядно продемонстрировали, что Турция является не просто рядовым участником военно-политических союзов, но и ключевым актором, способным эффективно содействовать стабильности в регионах пересечения интересов крупнейших мировых центров силы. В частности, новый дипломатический импульс, достигнутый в отношениях между Анкарой и Вашингтоном в ходе процессов Саммита НАТО, существенно укрепил репутацию Турции как надежного, предсказуемого и незаменимого партнера в международной системе. Региональные структуры уровня АСЕАН при определении статусов партнерства принимают во внимание не только сугубо экономический потенциал государства, но и его политическую стабильность, дипломатическую гибкость и геостратегическое позиционирование. С этой точки зрения роль Турции внутри НАТО, её существенный вклад в обеспечение безопасности в Черноморском регионе, контрольная позиция на перекрестке ключевых энергетических коридоров и активные посреднические усилия в международных кризисах превратили Анкару в глазах участников АСЕАН из традиционного торгового партнера в глобально связанного стратегического игрока. В этой связи время принятия решения АСЕАН, совпавшее с периодом подтверждения особой роли Турции в системе западного блока, имеет глубокий символический и практический смысл.

Вторым важнейшим измерением отношений между Турцией и АСЕАН является многолетний опыт развития торговых и инвестиционных связей. Начиная с 2010 года, Турция углубляла взаимодействие с блоком в статусе партнера по секторальному диалогу. За этот период торгово-экономические показатели демонстрировали устойчивый рост: объем двусторонней торговли увеличился с скромных 6,5 миллиардов долларов до внушительных 16 миллиардов долларов. Этот качественный прыжок отражает не просто сухие цифры статистики, но и формирующуюся взаимную экономическую взаимозависимость, а также высокий уровень институционального доверия между бизнесом и государственными структурами обеих сторон.

Блок АСЕАН, объединяющий почти 700 миллионов человек населения и обладающий совокупным объемом ВВП, превышающим 4 триллиона долларов, открывает колоссальные горизонты для турецкой экономики. В эпоху, когда глобальные цепочки поставок подвергаются масштабной перестройке, а ведущие страны мира ищут альтернативные экономические модели, уходя от моноцентричного производства, Юго-Восточная Азия превращается для Турции в приоритетный геоэкономический регион. Однако для того чтобы этот гигантский потенциал трансформировался в практические результаты, статус Партнера по диалогу не должен оставаться лишь красивым декларативным жестом. Новое положение должно быть незамедлительно подкреплено полномасштабными соглашениями о защите инвестиций, технологическим обменом, оптимизацией логистических маршрутов, тесной кооперацией в сфере оборонно-промышленного комплекса (ОПК) и созданием инновационных торговых механизмов.

Внутри АСЕАН особое значение для турецкой стратегии имеют несколько ключевых государств. Индонезия, Малайзия, Вьетнам, Таиланд и Сингапур выступают главными драйверами, с которыми Анкара поддерживает наиболее интенсивный диалог. Индонезия — крупнейшая экономика региона — является для Турции стратегическим визави, особенно в области совместных проектов в сфере ОПК, инфраструктурных инвестиций и расширении торговых потоков. Масштабное расширение контактов в сфере военно-промышленного комплекса сделало Джакарту центральным звеном азиатской стратегии Анкары.

Малайзия выступает еще одним важнейшим политическим и экономическим партнером Турции в Юго-Восточной Азии. Двусторонние отношения демонстрируют высокую степень диверсификации, охватывая сферы оборонных технологий, энергетики, высшего образования и цифровых инноваций. Совместные проекты в области беспилотных летательных аппаратов и высокоточного вооружения существенно повысили узнаваемость и авторитет турецкого ОПК в регионе. Кроме того, стратегическое положение Малайзии в районе Малаккского пролива — одной из главных артерий мировой морской торговли — придаёт этим отношениям особый геополитический вес.

Сингапур, в свою очередь, выделяется как важнейший финансово-логистический хаб для турецкого присутствия в АСЕАН. Обладая передовыми возможностями в области финансов, высоких технологий и морских перевозок, Сингапур способен служить для Турции «воротами» не только на рынки Юго-Восточной Азии, но и в более широкую экономическую экосистему Азиатско-Тихоокеанского региона. Поэтому последовательное углубление связей с этими государствами станет залогом успешного закрепления Турции в статусе ключевого партнера АСЕАН.

Главным институциональным фундаментом турецкого дипломатического прорыва стала инициатива «Yeniden Asya» («Заново Азия»), объявленная в 2019 году. Эта стратегия отражает стремление Турции систематизировать и институционализировать свои связи с Азиатским континентом. Данный курс ни в коем случае не означает отход Турции от её традиционного евроатлантического вектора; напротив, он представляет собой попытку выстроить сбалансированную, многовекторную и одновременную систему связей с Европой, Евразией и Азиатско-Тихоокеанским регионом. Партнерство с АСЕАН в этом контексте становится наиболее ярким и зрелым плодом концепции многомерной внешней политики.

Определенную положительную роль во взаимодействии с государствами АСЕАН играют и социокультурные факторы. Историческая общность и социокультурные связи с такими странами, как Малайзия и Индонезия, где мусульманское население составляет большинство, дают Турции определенные дипломатические преимущества. Однако АСЕАН принципиально отличается от таких объединений, как Европейский Союз, по своей структуре, духу и целям. Несмотря на огромное языковое, религиозное и этническое разнообразие, участники АСЕАН строят сотрудничество на прагматичной основе экономических и стратегических интересов. По этой причине подход Турции к региону не должен ограничиваться исключительно конфессиональной или культурной риторикой, а должен опираться на долгосрочные, взаимно полезные экономические и технологические проекты.

В заключение следует подчеркнуть, что предоставление Турции статуса Партнера по диалогу АСЕАН представляет собой важнейшее историческое событие, в котором краткосрочный дипломатический успех органично соединился с долгосрочным стратегическим планированием. Роль Турции в НАТО, её участие в преодолении глобальных кризисов, шестнадцатилетний опыт секторального сотрудничества и реализация инициативы «Yeniden Asya» стали главными факторами этого достижения. Однако превращение этого статуса в реальное геополитическое преимущество будет целиком зависеть от того, насколько глубоко и эффективно Анкара сможет развить экономическое, технологическое и оборонное партнерство со странами Юго-Восточной Азии.

Статус Партнера по диалогу АСЕАН следует рассматривать не как конечную точку турецкой дипломатии, а как новый, гораздо более ответственный старт. В предстоящий период Турции потребуются инвестировать еще больше ресурсов в проекты региональной связанности, логистические сети, промышленную кооперацию и механизмы регулярного дипломатического консультативного диалога. В случае успешной реализации стратегия взаимодействия с АСЕАН станет не только эффективным инструментом укрепления позиций Турции в Азии, но и важнейшим дипломатическим активом, утверждающим её статус как влиятельного, многовекторного и незаменимого актора в современной мировой системе.

